

АНДРЕЙ МАРТЫНОВ

ПРИЗРАК
ДОЛИНЫ БАКОТА

Андрей Мартынов

Призрак долины Бакота

<https://litres.ru/74674179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда старый историк приносит в университет сундучок, спасенный из дома археолога Викентия Хвойки, преподаватель журфака Андрей Рогов понимает: все только начинается. За ожерельем Инанны, спрятанным гончаром Тэо пять тысяч лет назад, охотятся чёрные копатели и учёный с загадочным аппаратом.

След ведёт в затопленную долину Днестра, где живёт легенда о призраке Курикше, который сводит людей с ума. Рогов, майор полиции Екатерина Терновая и студенты отправляются в Каменец-Подольский, чтобы узнать, где кончается миф и начинается преступление.

А в это время в прошлом — на Днестре и в Египте — разворачивается драма: любовь, предательство и обещание, длящееся пять веков. Что скрывает Бакотская долина — призрака или человека?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	33
Глава 3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Андрей Мартынов

Призрак долины Бакота

Пролог

...В дорогу к Белой горе их провожал перламутрово-серый рассвет.

...День обещал быть погожим — на небе не было ни облачка, и взгляд проваливался куда-то за горизонт. И только блики редких сторожевых костров вдаль не давали глазам утонуть в этой сизой предрассветной дымке.

Тропы были пусты, а, мокрые от утренней росы, сады и дубравы, очерчивала многоцветием пышная пена осеннего прибоя глянцевиные, жёлтые, красные...любые... волны опавшей листвы, как предвестники долгого зимнего сна...

Где-то по колено в золотистой траве бродили стада, а у берегов в камышах плескался хозяин этих мест — сом-атаман. Долина Днестра простиралась на тысячи стадий вдоль вольных поселений тех, кого спустя много лет потомки назовут первыми обитателями бескрайних просторов — кукутин-трипольцами.

Изредка встречались березняки с белёсыми шелушащимися стволами и однотонными ярко-жёлтыми кронами. А вдоль утопанного тракта, почти на каждом высоком дере-

ве, красовались уже опустевшие, похожие на кучи хвороста, гнезда аистов.

В стороне от дороги небольшие опрятные кусты орешника манили плодами в тени огромных скальных дубов. Толстые стволы этих могучих исполинов, сплошь покрытые мясистыми наростами-капами, вселяли благоговение перед незыблемыми силами природы. Переворачивая трёхсотую страницу своего долголетия, они ещё не скинули свою тяжёлую, посебрённую осенью, листву, будто ожидая, когда все деревья округи разденутся и уснут. Кто знает, может грядущая зима будет для великанов этих гор последней?

— Все когда-то заканчивается, — обречённо выдохнул немолодой мужчина в длинной домотканой рубаше и накидке из козьих шкур. По его волевому скуластому лицу, несмотря на прохладу наступающего утра, катился пот... а может все и не пот, а слёзы...

...На крепких деревянных дрогах, запряжённых двумя громадными рябыми волами, стоял тяжёлый каменный саркофаг на колёсах. В нем лежала та, ради которой и был этот мир вокруг старого мастера — его юношеская мечта, надежда. Та, с которой было пройдено столько дорог, каждый вздох которой наполнял его жизнь смыслом, а сердце упоением. И вот её не стало. Инанна ушла вчера на рассвете, забрав с собой уют и тепло в доме, унеся яркое, незабываемое прошлое, оставив горестное настоящее и тоску на все оставшиеся годы.

«...Сколько их тут осталось?» — произнёс старый мастер, сглатывая ком в горле.

— ...Одиннадцать! — отрапортовал его молодой помощник, разгребая с напарником вход в пещеру от камней.

— ...Что? — вышел из своих мыслей мастер.

— Одиннадцать камней осталось, мастер Тэо, — ответил парень.

(Вход в грот был подготовлен заранее и завален камнями, чтобы здесь не обосновались дикие звери.)

Помощник продолжал разбирать этот завал. Беспечный, крепкий, рыжий «живчик» с глуповатым лицом. У него ещё вся жизнь впереди. А тут...

Совершенно «выбитый из седла» мастер-гончар Тэо взялся за борт саркофага и ещё раз взглянул на своё детище — усыпальницу на колёсах из тщательно выпиленного камня, завезённого в эти края менялами откуда-то с Востока. Колеса переливались ярко-голубыми и зелёными тонами и, даже на деревянной оси, смотрелись богато, удачно дополняли цвет самой каменной гробницы. Он делал её для себя — на будущее, но... так случилось, Инанна, вопреки обычаю предков, ушла раньше... Хотелось выть...

Трое мужчин — уже немолодой Тэо и его помощники Оста и Пана с чудовищными усилиями скатили неподъёмный саркофаг по обтёсанным брёвнам вниз, к округлому, тёмному, точно нора, входу в грот.

В маленькой пещере было сухо и темно. Оста зажёг све-

тильник на козьем жире в маленькой чаше, игравшей роль подсвечника, и фитиль из туго сплетённой верёвки противно зацадил черной копотью. Крышка саркофага, снятая сильными руками гончаров, открыла образ уходящей к праотцам жены мастера. Светлая, как всегда прекрасная, будто спящая, обворожительная Инанна, даже в свои пятьдесят была предметом зависти многих молоденьких поселанок. Но вот уже завидовать нечему и некому...

— ... А теперь уходите. Мне надо проститься с ней, — скомандовал Тэо и молодые помощники, поклонившись учителю, вышли из пещеры.

Мастер стоял в головах у покойницы. Он видел свою Инанну в последний раз. Вспомнилось всё... Первые свидания под абрикосом, когда молодой рыбак и весёлая дочка мастерицы гончарных дел, украдкой от родителей сбегали из дому для романтических встреч. Вспомнил, как отец, когда узнал, что сын, уйдя к молодой жене, выбирает женское ремесло, бросив рыбалку, отказался от него... А каким счастьем для молодых мужа и жены было рождение первенца — пухлого и розовощёкого Энсукешданна! Спустя много лет, Эну съели степные волки, две младшие дочери Геда и Реда умерли от голода в неурожайный год... И вот теперь он один и на его взгляд, полный скорби и любви уже никто не ответит. Перед ним тонкие ровные брови и опущенные, будто недовольные, уголки губ... Красота, уходящая в вечность... В руке Тэо дрожало ожерелье — роскошное украшение из

касситерита и гранулированного олова. Его подарок, которым Инанна так дорожила и берегла.

— Покойся с миром, милая..., — только и сумел произнести мастер и положил ожерелье на грудь усопшей.

Неожиданно в пещеру ворвался младший из подмастерьев — крепыш Пана. Черный, как смоль с бронзовым отливом кожи он явно был потомком каких-то переселенцев из азиатских степей, но тогда ещё никто не знал слова Азия.

— Мастер Тэо, — громко затараторил парень, — сюда скачут. За нами погоня, я говорил, что нас могут выследить и это случилось. Их трое или четверо, они нас не помилуют, мастер Тэо.

— Тс-с-с-с, — приставил палец к губам гончар, не сводя глаз с возлюбленной, будто боялся разбудить её.

Он медленно, словно ничего не случилось, обернулся и направился к выходу:

— Пойдём, сынок. Не шуми...

Снаружи, у входа в грот, как волк, попавший в капкан, на одном месте кружился рыжий Оста. Он то и дело оглядывался и смотрел вдаль, откуда два часа назад волы привезли свой скорбный груз.

Тэо поднялся на возвышенность, заслоняясь от встающего солнца, и устремил взор туда, где в первых играющих лучах светила сверкало родное поселение. Четверо всадников были уже близко — не дальше трех стадий.¹

¹ 1 стадия — древняя мера длины не более 200 м.

Мастер обернулся к помощникам:

— Плохи дела..., — обыденно сказал он, будто не было в жизни больше ничего плохого.

Парни посмотрели друг на друга, как бы все для себя решив, и достали откуда-то из похоронной поклажи два длинных копия-рогатины, с которыми обычно ходят на дикого зверя. Такой двузубец несмотря на то, что из дерева, способен был пробить шкуру быка, и проломив ребра, достать до сердца.

— Мастер Тэо, они нас не пощадят! — воскликнул Оста.

— И мы их, — добавил Пана.

На самом деле, это были два крепких молодых мужчины, которые могли выиграть любую рукопашную схватку, но, на этот раз, бой мог быть неравным. Те, кто скакал сюда на лошадях, были настоящими охотниками, а не гончарами и схватка с ними означала неминуемую гибель.

Мастер отрицательно покачал головой. Его осунувшееся серое лицо, казалось, не выражало ничего. На самом же деле — это была глубокая скорбь. И всё же он нашёл в себе силы подумать о своих учениках.

— Зайдите в грот. Спрячьтесь, — приказал он.

— Но мастер..., — начал было Оста, но осёкся, посмотрев в глаза старому гончару.

Парни знали, что спорить с учителем бесполезно и последовали его наставлению, войдя в грот с покойницей. Едва они успели исчезнуть в темноте под сводами пещеры, отку-

да-то из-за деревьев, на поляну перед округлым входом, выехали четверо всадников.

Кони, приручённые всего два поколения назад, ещё не имели той сноровки и навыков, передающихся с генами через множество веков. А упряжь была плетёная из грубых волокон, произведённых первыми мастерами молодой цивилизации, и, как сказали бы потомки, ненадёжная и несуразная. Всадники, взрослые мужчины, в одеждах из шкур оленя, чувствовали себя хозяевами этих мест, и их голос был решающим в любых спорах — у кого оружие, то и прав. Вот и сейчас их лидер, широкоплечий воин с волевым подбородком и надменным выражением лица осмотрел поляну, волов у повозки и уставился на Тэо. Гончарных дел мастер, как ни в чем не бывало, заслонив могучей спиной вход в пещеру, и закинув руку за руку на груди, бесстрашно смотрел на наглого зверобоя.

— Что ты тут делаешь, старик? — без всякого приветствия произнёс охотник.

Да, мужчина, чуть старше пятидесяти, в те времена считался стариком. Кроме того, большинство представителей сильного пола до этих лет не доживали, а Тэо дожил, ничего об этом не спрашивая. Поэтому он явно раздражал многих мужчин своего поселения. Ни о каком уважении не могло быть и речи, ведь он был гончаром. Лепка посуды считалась женским ремеслом. Даром, что Тэо одним из первых догадался, что вытесанный круг из камня может катить по-

ложенный сверху груз. Никого не волновало, что, оказывается, горшки становятся лучше и легче, если кусок глины вертеть на колесе, обрабатывая изделие руками. Это касалось только Тэо и его жены Инанны, ведь именно она предложила облегчить их тяжкий труд таким образом. Но Инанны уже нет, а он, Тэо, живой и злит молодых охотников, рыбаков и скотоводов просто потому, что он есть. Их раздражает, когда он, высокий и статный, идёт за водой в реке и возвращается с огромным кувшином собственного изготовления на плече. Злит, когда со стариком здороваются все женщины поселения. Он выводит из себя, когда в любое время года, даже зимой, выходит во двор и обливается ледяной водой. Старый негодяй. И никак его не зацепить, и ничем не поддеть... А тут такая возможность, ведь Тэо решил похоронить жену не по обычаю предков.

— Почему ты не хочешь избавиться от мёртвой, как все, — вызывающе спросил все тот же охотник, — сжечь на священном костре?

— Я не буду жечь её тело, — спокойно ответил Тэо, хотя желваки его играли.

— Ну, значит, это сделаем мы! — объявил собеседник и, словно по уговорённому заранее плану, кивнул двоим мужчинам.

Те спешились и подошли к мастеру.

— Уйди с дороги, старик! — злобно гаркнул один из вояк.

— Уйдите вы, а то худо будет, — не повышая голоса, ото-

звался Тэо. Он был на голову выше из обоих и смотрел сверху вниз.

Отважные охотники ухватили старого гончара за руки... Но не тут-то было. «Старик» Тэо ловким движением, в сторону больших пальцев, вырвал кисти рук из захвата, схватил парней за одежды из шкуры, и, с сумасшедшей силой, ударил их друг о друга. Зверобои, лишившись чувств, грянули оземь, будто два мешка. В ту же секунду, в двух вершках от уха гончара прозвенела стрела, костяной наконечник которой ударился о камни грота. Это стрелял четвёртый «боец», а старший из охотников, как был, на коне, ринулся к неуступчивому старику. Тэо не терял времени. Сделав два шага навстречу коню, он отступил в сторону, и, демонстрируя удивительную для своих лет прыть, подпрыгнул, ухватив всадника за шею. Чопорный предводитель шайки не удержался и соскользнул вниз. Мгновенье и мастер, сидя сверху на обидчике, яростно душил его. Охотник, обладавший большой мощью, пытался вырваться из этих цепких объятий, но тщетно. Представитель, как ему казалось, совсем не мужского дела — гончар, да ещё и старый, мало того, что не уступал ему в физической силе, он ещё и одолевал его.

Четвёртый молодчик вместо того, чтобы помочь своему товарищу, давно развернул коня и скрылся.

Задыхаясь от бессилия и ненависти, тридцатипятилетний Черный Аист — гроза этих мест, добрался до костяного кинжала, что висел у него на боку, вырвал его из плетёных но-

жен и воткнул в ногу мастера Тэо. Резкий крик боли окатил вершину небольшого нагорья, и с громадного раскидистого дуба сорвалась стая напуганных воронов.

— А-а-а-а...

Старый гончар почувствовал, что теряет силы и, что есть мочи, надавил на шею врага. Глаза Черного Аиста закатились, а язык, высунулся и безвольно повис в обветренном степными ветрами уголке рта.

... Взор затянулся кровавой пеленой. Тэо упал на грудь поверженного грозного соперника и провалился в темноту...

Глава 1

Помещение учебной телестудии журфака университета было заставлено тяжёлыми армейскими ящиками. Некоторые крышки были откинuty и взору наблюдателя открывались артефакты всех эпох и народов, покоящиеся в длинных спиралях дубовой стружки.

Откуда-то из глубины комнаты раздавался юношеский голос:

— Вали! Вали его! И беги ко мне! Меня маги окружают!

Молодой человек в наушниках с гарнитурой, со смартфоном в руках, взволнованно ходил у окна из угла в угол.

— Сюрикен используй! Меч не поможет! — громко кричал он в микрофон.

Запал онлайн игрушки, совершенно поглотил заядлого «геймера», и он не заметил, как в большую комнату вошла женщина в полицейском мундире. Молодая, красивая... Идеально подогнанная форма не просто не портила её, а даже наоборот, подчёркивала прекрасную фигуру спортсменки. Лёгкий косметический перманент от хорошего мастера подтверждал, что ничто человеческое не чуждо и блюстителям закона.

Студент со смартфоном обернулся и, увидев полицейские погоны, от неожиданности сел прямо на подоконник:

— А я... тут... сторожу..., — проямлил он.

Его рубашка от пота прилипла к спине, а кремовый галстук, ослабленной плетью висел где-то на боку.

— Сторожу..., — с лёгким смешком пробормотала красавица в полицейской форме.

Когда слышишь слово «сторож», сразу вспоминается дед с берданкой, в шапке из чебурашки с лихо вздёрнутыми ушами. Поэтому глагол «сторожу» слышался из уст парня в рубашке и галстукe несколько комично.

— А-а-а..., — пытался продолжить студент.

— Здравствуйте, — строго сказала нежданная гостья.

— Здра..., — кивнул головой молодой человек, постепенно приходя в себя.

— Мне нужен Андрей Петрович Рогов.

Парень, наконец, поднялся с подоконника и, спрятав смартфон в карман, поправил галстук и брякнул невпопад:

— Очень приятно! Лев Тарнопольский!

Полицейская готова была прыснуть от смеха, уж больно этот мальчуган был непохожим на льва. Но что сделаешь — назвали родители Львом, хорошо, не зайцем.

— Очень хорошо, Лев! — не теряя серьёзного тона, продолжила полицейская и посмотрела студенту прямо в глаза,

— Я майор Терновaя, хочу видеть Рогова Андрея Петровича.

— У него л-лекция, — ответил юноша, находясь под «гипнозом» её выразительных, глаз.

Пауза затянулась, и её нужно было как-то разбавить.

— Может быть, к-кофе? — сбивчиво нашёлcя юноша.

— С удовольствием, — улыбнулась Терновая.

— У нас на первом этаже замечательный автомат! — объявил Лев, но вдруг понял, что проявил бестактность и тут же предложил, — Я сбегаяю! Ага? Какой вам?

— Капучино.

— Но-о-о-о, — парень виновато огляделся вокруг, будто намекая на то, что не может бросить кабинет.

— Я... посторожу. — специально, через паузу, пообещала полицейская, для пущей убедительности кивнув головой и моргнув глазами. Юноша сорвался с места и был таков...

* * *

— ...Ой, да я вас умоляю! — по-одесски возразила молоденькая студентка с коротенькой стрижкой «под мальчика». Даже этот стиль не скрывал огненно-рыжих волос, а огромные, будто постоянно удивлённые, глаза, искрились от эмоций, — вы хотите мне сказать, что здесь кого-то надо бояться?

Да, девочка была из Одессы, города платанов и акаций, с удивительными жителями и доверчивыми гостями. Это чувствовалось без дополнительных расспросов — только посмотри и послушай.

«Одесса уже не та.» — сокрушённо скажут её жители, имея в виду, что от колорита южного города не осталось и следа. И тут же, сами того не замечая, это опровергнут: «Это таки да, шоб ви даже не сомневались!» В этом городе украинцы, евреи, русские, молдаване, гагаузы и ещё сто тридцать

три национальности разговаривают на одном диалекте — наречии одессита. Шоб вы мне были живы-здоровы, дорогие читатели!

...Возможно, если бы Андрей не знал одесситов, с их говором, который не спутаешь ни с каким другим, то он счёл бы реплику девушки за хамство, однако, Рогов любил Одесу, понимал её и ему доставляло удовольствие такое общение.

— Что вы имеете мне сказать, Настя? — иронично переспросил преподаватель в духе собеседницы.

Студенческий поток с интересом следил за этим диалогом прямо на лекции.

— В нашей стране эксклюзив снять невозможно. Всем давно всё известно и совершенно не страшно, — выпалила рыжая Настя.

Бойкая и заводная и, пожалуй, самая энергичная в потоке, Настя Мороз, кроме обучения на «стационаре» в университете, успевала быть внештатным репортёром нескольких печатных изданий одновременно, вести личные блоги в Instagram, на You Tube, да ещё засветиться и на телевидении. Вот уже два года она активно работала над раскруткой своего имени, взяв псевдоним Анастейша Фрост — звучно и со вкусом.

— Вы считаете, что если эксклюзив, то обязательно должно быть страшно? — с улыбкой спросил Андрей Настю.

— Нет, ну-у-у..., — протянула девушка, — я имела в ви-

ду совсем другое. Я понимаю, горячая точка — проникновение в банду, интервью с лидером террористической группировки... А у нас что? Хорёк из соседского леса повадился на ферму в Андреевке воровать цыплят? Или наши убитые дороги самые убитые в мире?

— Подождите, Настя, или, как говорят у вас в городе, не приделывайте мне мозги, — разбавил эмоциональную речь студентки Рогов, — Можно ехать к террористу через полмира, добраться до него, потратив кучу казённых денег на информацию о нём, прийти и ваш разговор не сложится. Он пошлёт вас куда подальше и всё.

— Как это? — удивилась рыжая бестия.

— Вот так. Лично смотрел один документальный фильм о Сомалийских пиратах. Отличный материал, прекрасные этюды с разбитыми танками и бегущими рядом с машиной верблюдами... Путешествие с эмоциональными закадровыми комментариями журналиста. И в конце — вишенка на торте! Беседа с лидером сомалийских пиратов — долларовым миллионером.

«Скажите, а вы, действительно пират?» «А вам нравится убивать людей?» «А что вы чувствуете при этом?» Пират посмотрел, посмотрел. Затем буркнул: «Идиот». И скрылся в своём особняке. Вот тебе и эксклюзив.

— А-а-а..., — пыталась что-то ответить Настя, сквозь смех сверстников, а Андрей продолжил речь:

— ... А можно дома, на родине, получив задание ре-

дакции, отправиться на фабрику, где хорёк ворует цыплят, и провести журналистское расследование. Осмотреть предприятие и его окрестности, задать вопросы нужным людям, а спустя какое-то время, сделав выводы, врубить, что называется «в самую десятку» завхозу: «Скажите, пожалуйста, а вот хорёк, который ворует у вас цыплят... В каком году вы его покупали? Сколько он потребляет бензина на сто километров? И почему он, ваш хорёк, так свободно выезжает из ворот фабрики, в аккурат два раза в неделю, в половине пятого утра?»... Вот вам и эксклюзив... На родине...

— Там можно ж и это... в бубен получить..., — пробормотал какой-то щупленький парень из первого ряда, совершенно забыв, что он находится на лекции.

— Можно, — согласился Андрей, — только в Уголовном Кодексе Российской Федерации есть статья сто сорок четыре, — воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста.

— Так они не спрашивают, а бьют сразу, — промямлил тот же юноша.

— Ну, тогда вам не в журналисты, а в художники. Тихо, сосредоточенно, и вполне безопасно... — мягко сказал Рогов, — хотя... нарисуешь кого-нибудь не так, нос большой, или глаза слишком широко... в общем, по морде можно получить везде... так что выбор безопасного места невелик.

— Да? А что же делать? — искренне удивился студент.

— Я думаю, — после паузы делово выдохнул Андрей, —

это судьба. Бойтесь получить по физиономии — обязательно получите.

Андрей вот уже третий год преподавал журналистику в одном из столичных ВУЗов. Не то, чтобы он пришёл передать свой богатый опыт подрастающему поколению... Кстати, он терпеть не мог эту формулировку, от неё попахивало «ударником коммунистического труда» и полукладбищенским: «мы провожаем нашего дорогого юбиляра на заслуженный отдых» Просто Андрею надоело смотреть, как телевизионное репортёрство, да и сама журналистика превращаются в глупую блогерскую болтовню. Он, понятное дело, не хотел, чтобы профессия изжила себя, и решил приложить все силы, чтобы хоть как-то замедлить деградацию средств массовой информации. И ему это удавалось. Он, авторитетный специалист, медийная личность, пример для многих мальчишек и девчонок, помимо учебного курса, старался дать молодёжи то, чему не научат ни в одной книге — умение анализировать и правильно излагать свои мысли. Профессионал экстракласса, практик, побывавший во всех горячих точках и почти во всех странах мира — предмет вожделения любой кафедры журналистики в мире и то, что он делал для поднятия престижа университета, как говорится, переоценить было трудно. И всё же, не далее, как на прошлой неделе Андрея Рогова вызвал к себе проректор. «Обласкав» его эпитетами (что тоже не нравилось журналисту), «человек в кресле» приступил к разговору по существу.

— Андрей Петрович, нам бы кандидатскую защитить. Как вы на это смотрите?

— Нам? — удивился Андрей, привыкший говорить начистоту.

— Ну, в смысле — вам, — поправил сам себя начальник, — не скрою, вы у нас один из флагманов...

«Вот ещё, дурь какая» — возмущённо подумал Рогов, и чуть не расхохотался в голос. И был абсолютно прав. Флагман бывает один-единственный. Как у этих чиновников получается создавать глупые штампы? Один из флагманов — всё равно, что первый дебют или рыночный маркет, или...

— Андрей Петрович, вы меня слушаете? — настойчиво спросил начальник.

— Да-да, — откликнулся журналист, — я просто пытаюсь понять, чего вы от меня хотите.

— Учёную степень! — коротко отрезал проректор.

«Хорошо рассуждать об учёной степени, когда она у тебя уже есть, ты, продав партию «ножек Буша», купил её в лихие девяностые, сидишь в кабинете и — трава не расти.» — думал Андрей после разговора с начальником. Конечно, он понимал, что для кафедры его регалии просто необходимы. Да и самому Андрею было бы приятно услышать: «Кандидат каких-нибудь наук Андрей Петрович Рогов!» А что? Неплохо звучит! Кандидат каких-нибудь наук.

И сейчас, в лекционной аудитории Андрей общался со своими студентами, а у самого в мозгу ещё крутились остат-

ки разговора с проректором.

— На кандидатскую диссертацию нужно время. А у меня, кроме преподавания, есть ещё договор с издательством на серию книг, консультирование на нескольких телеканалах, подготовка очередной фотовыставки...

— Андрей Петрович, — смеялся проректор в ответ, — вас же никто не заставляет заниматься вашей научной работой лично. А студенты для чего? Выберите себе самых достойных, озадачьте — пусть работают. Мне ли вам рассказывать, как пишутся научные работы? Сами же понимаете, главное — организовать и возглавить...

«Организовать и возглавить...» — повторил про себя Андрей. Все это время он, с указкой в руке, ходил вдоль первых рядов студентов, туда и обратно, будто так и нужно. Затем вдруг подошёл к двери и резко открыл её. В ту же секунду в аудиторию ввалился Лев Тарнопольский, очевидно он подслушивал, облокотившись на дверь и не удержался, чем вызвал хохот всего потока.

— В чем дело, Лев? — под всеобщий «балаган» спросил Андрей Петрович, — почему вы бросили мою подсобку?

Тарнопольский выглядел совершенно растерянным, и Андрей вышел с ним из аудитории:

— Что случилось, Лёва?

— У нас полиция, Андрей Петрович, — почти шёпотом доложил парень.

— ...? — преподаватель вопросительно посмотрел на сту-

дента.

— Андрей Петрович. Это ещё и женщина.

— Да что ты! — притворно удивился Рогов, — Какой ужас!

— Она — майор! — не обращая внимания на иронию наставника, жаловался Лев.

— И что? Если бы была генералом, было бы ещё страшнее?

Парень замолчал, понимая, что попал в глупое положение.

— Лёва, ты знаешь, чем отличается настоящий мужчина от не настоящего? — вдруг выдал Андрей и тут же ответил, — настоящий мужчина боится, а не настоящий — ссыт.

Тарнапольский сконфуженно посмотрел на шефа, подумав, не ослышался ли...

— ...Так вот. Будь настоящим. Пойди и принеси даме кофе.

— Так я и шёл. Просто забежал вас предупредить!

— За это хвалю! И переставай бояться людей, будущий журналист.

— Есть! — вытянулся во фрунт воспрянувший духом Лев.

— Всё, марш за кофе! — скомандовал Андрей и вернулся в аудиторию.

* * *

...Странное изделие... Удивительное. Ваза. Нет, не ваза. Чаша! Чаша переливалась всеми оттенками зелёного — из

лёгкого воздушного перетекала в нежно-салатовый и дальше, дальше... Был фисташковый, после чего струился жасминово-зеленый и оливковый, а переходя в колер попугая Крамера, вдруг темнел и становился чистым зелёным и рос, рос, рос, прорастал... вплоть до глубокого малахитового и густых насыщенных тонов хвойного леса.

Изумрудная Чаша Патриарха. Ходили слухи, что именно так и выглядел тот самый Священный Грааль, за которым охотились все спецслужбы и «дикие археологи» мира. Врут, конечно. Сказки. А, может и не сказки...?

Девушка всегда думала, что это миф, выдумка, легенда. Не верила фотографиям из Интернета и коллажам на выставках. И вот Чаша у неё в руках.

Екатерина Терновая, майор полиции, заканчивала исторический факультет университета более десяти лет назад. Судьба сложилась так, что потом была Академия МВД, служба в кавалерийском подразделении конной полиции. На этом и закончилась вся романтика ростовчанки Кати, а дальние страны, путешествия, артефакты так и остались для неё доброй детской мечтой. И всё же её страсть к старине не остыла, и превратилась в изысканное хобби. Екатерина была завсегдатаем антикварных салонов, выставок, почти наизусть знала наиболее значимые лоты аукциона «Сотбис» последнего десятилетия и конечно могла составить конкуренцию многим экспертам в области исторических ценностей и произведений искусства. И сейчас она, заморожен-

ная красотой Изумрудной Чаши Патриарха, не могла отвести глаз от этого чуда.

— Не может быть, — едва слышно пробормотала Екатерина, — подделка...

— ...Не подделка, а копия, — раздался мужской голос за спиной.

Терновая оглянулась. В дверях стоял Андрей Петрович Рогов, который, несмотря на дорогой костюм от «Brioni», по своей структуре тела больше напоминал викинга, чем преподавателя университета. Высокий, светло-русый сероглазый воин с крепкой шеей и широкой грудной клеткой пришёл сюда почему-то без топора и шлема с рогами.

Его совершенно не пугали полицейские погоны. Он, с долей иронии смотрел на неожиданную гостью, будто у себя дома, вышел на веранду покормить собаку, а тут явилась какая-то незнакомая женщина, нарушив идиллию.

— ...Не подделка, а копия, — отчётливо повторил он, — подделка — это когда с целью продажи, чаще всего нелегальной. А у нас — музейный экспонат.

— Да-да, — немного растерялась Екатерина, — Здравствуйте.

— Добрый день. Чем обязан такой прекрасной представительнице власти? — ровно, безо всяких заигрываний, спросил журналист.

— Капита... Майор Терновая, — представилась девушка. «Угу, значит звание получила недавно. Ещё не успела

привыкнуть...» — прикинул про себя Рогов.

— ... назначена к вам начальником охраны музея.

— Вот как? Замечательно. То-то я смотрю, у вас интерес к артефактам.

— Извините, — стушеввалась Катя, только сейчас заметив, что держит Чашу в руках. Она тут же стала укладывать экспонат обратно в тяжёлый армейский ящик.

— Ничего, я понимаю. У того, кто знает толк в этих вещах, руки сами тянутся и невозможно пройти мимо, — согласился Рогов.

— Хорошая копия, — вздохнула девушка, укладывая чашу туда, откуда взяла.

— Да, сделана с оригинала... По фотографиям.

— А фотогра...?

— ...А фотографии делал я сам, а Пещере Римпоче, монастыря Гнездо Белой Летающей Тигрицы на Тибете, десять лет назад...

— С оригинала? — недоверчиво посмотрела Терновая на Андрея, — но учёные всего мира утверждают, что её не существует...

— ...Андрей Петрович Рогов! — представился журналист вместо ответа, давая понять, что своим глазам верит больше, чем кабинетным знатокам.

— ...Да, я знаю, — улыбнулась Терновая, — вы — известный журналист.

— Да? — нарочито удивлённо спросил Андрей, — и

вправду, кто же не знает старика Круппского?

Терновая хихикнула. Этот мужчина нравился ей всё больше и больше. В нем было что-то настоящее, без наносного лоска. Такие мужчины, надевая дорогую одежду и обувь, остаются самими собой. Большая редкость, когда человек, которого видишь по телевизору, «соответствует оригиналу». Катя почему-то сразу почувствовала такую лёгкость, будто пришла на новое место работы, где порой нужно с боями завоевывать авторитет и расположение начальства, а попала в свою среду, где её поймут и всегда пойдут навстречу. Словно не она пришла начальником охраны музея, а наоборот, попала под защиту этого надёжного и уверенного в себе мужчины.

— Кофе... пили? — спросил Андрей, параллельно заглядывая в какой-то формуляр.

— Вот... Жду уже пятнадцать минут, — посмотрела на часы Терновая.

— Это ничего. У нас люди ещё больше ждут. Если Тарнапольский ушёл, то обязательно вернётся. Правда не факт, что не забудет, зачем ходил...

— Зачем же вы его держите тогда? — удивилась Терновая.

— Ничего не поделаешь, — пожал плечами Рогов, — он пришёл сюда раньше меня...

Повисла пауза, в которой Екатерина, онемев, долго смотрела на Андрея, который виновато смотрел на неё.

— Да шучу я, шучу..., — разрядил обстановку Андрей, — у парня великолепные способности к декодированию, и он расшифровывает мне древние документы.

— Никогда бы не подумала..., — хмыкнула Катя.

— А вы знаете язык кельтов?

Терновая в растерянности захлопала глазами.

— А письма майя расшифровывать не пробовали? — продолжал Андрей с улыбкой.

— Ну-у-у, не-е-т.

— А Лёва изучил работы доктора Норозова за два месяца, и справляется с этим легко.

Журналист приподнял стопку стандартных листов, лежащих на столе в полиэтиленовых файлах. Там, на первом же листе красовались какие-то странные каракули. Человеку непосвящённому, по крайней мере, показалось бы именно так. Но на Терновую, которая все-таки имела высшее историческое образование, это произвело неизгладимое впечатление.

— Никогда бы не подумала, — повторила она, но уже с уважением.

— Да. Вот так-то. Быть администраторами могут четверо студентов из пяти, а вот учёным... наверно, один студент из пяти тысяч. Так что простим Лёвушке этот невинный грех отсутствия кофе, правда?

Андрей так простецки подмигнул Кате, что она нисколько не обиделась его речи, не почувствовала себя неловко, а на-

оборот. Ей хотелось работать с этим человеком всё больше и больше.

— У нас тут пока творческий беспорядок, как ни в чем не, бывало, продолжил журналист. — Нам выделили новый зал для музея, пришлось добавить экспонатов из своих запасов.

Андрей посмотрел вокруг, давая понять, что всё добро в этих ящиках — плоды его долгой и плодотворной работы.

— Так что работы всем предстоит непочатый край. Нам — инвентаризация, наведение порядка, а вам..., — Рогов достал из какого-то ящика реестр, всмотрелся в него и стегнул по нему костяшками пальцев, — ...всё это охранять.

Андрей вдруг углубился в чтение этого самого реестра, замолчав, что-то прикидывая в уме. Читать приходилось, отнеся бумагу от глаз на добрый метр. Начала развиваться дальновзоркость, но времени заказать себе очки, всё не было. Но даже такая неестественная поза ничуть не портила этого мужчину. Во всяком случае, так думала Катя. Черт возьми! Это был какая-то магия. Терновая не могла оторвать взгляд от своего нового начальника. Сама энергетика его была настолько лёгкой и какой-то своей, что ли? Казалось, он был всегда рядом, даже когда Екатерина его не знала. Если бы она была любительницей женских сериалов и её сентиментальность зашкаливала за отметку «Очень глупо», она, конечно, подумала бы, что это мужчина её мечты. Но сухая прагматичность представительницы власти вывела жёсткое: «Терновая, возьми себя в руки! Ты что, втюхалась в него? Ещё

чего не хватало! Мужик, как мужик... Ничего в нем особенного. Блин... Терновая! Тернова-а-а-ая!...»

...Ситуацию спас звук шагов в коридоре.

— О! Кажется, наш Лёвушка несёт кофе! — смеясь, выдала Екатерина, чтобы хоть как-то отвлечься от своей заинтересованности Роговым.

— Нет, нет. Это не Лёвушка, — обыденно ответил Андрей, не открываясь от чтения, — идут две пары ног. Одна — девушка, хоть и широкими шагами топает, вторая пара — скорее всего, пожилой мужчина... шаркает сильно...

Катя даже не успел удивиться, когда в кабинет вошли двое — молоденькая белокурая студентка и старик в серой жилетке с карманами аля-«милитари».

— Андрей Петрович, можно? — спросила блондинка.

— ... если осторожно! — кивнул головой преподаватель, и, увидев, пожилого человека, встал.

— Андрей Петрович, у нас к вам дело!

— Да, Геля, я весь внимание, — то ли серьёзно, то ли нарочито делово ответил Рогов.

— Я привела к вам дедушку...

— Не привела, а сам пришёл! — недовольно вставил дед.

«Вот началось!» — подумал Андрей. Он уже сталкивался, когда к нему, будто к учительнице в школе, приходили родственники студентов, чтобы узнать, как у их чада дела.

— Гелий Ефимович Колено — представился дедушка.

— Меня в честь дедушки назвали, — влезла со своими

комментариями студентка, — я вообще не Ангелина, а Гелия... Просто...

— Геля! Помалкивай, когда старшие говорят, — строго оборвал внучку дед.

— ...Очень приятно! — ответил рукопожатием журналист, — Андрей Петрович Рогов. У вашей внучки всё замечательно!

Андрей, как можно тактичнее хотел дать понять, что у него не так много времени на эти все семейные заботы о подрастающем поколении. В конце концов, студент не школьник, и должен сам обладать какой-то мерой ответственности и самодисциплины. Тем более, когда этот студент — девушка.

— Да я не по этому вопросу, — заискивающе, отводя глаза в сторону, ответил Гелий Ефимович.

Только тут Андрей заметил подмышкой у дедушки какой-то свёрток в белой плотной мешковине, с какими старушки ходят в магазины за мукой или сахаром. Рогов насто-рожился, уж не взятку ли в виде подарка принёс старик?

— Я, между прочим, родился и вырос в Киеве, на Сырце! — с достоинством изрёк Гелий Ефимович. Это было сказано настолько проникновенно, что будь сейчас дед в рыцарских доспехах, можно было бы поверить, что Сырец — это какая-то неизвестная ветка Тевтонского Ордена.²

— Очень хорошо. А я — на Черёмушках! — с не мень-

² Сырец — район Киева.

шим пиететом к своему детству и юности, сообщил Андрей.

— Так вы что, ничего не знаете!?! — удивился старик, с укором посмотрев на внучку.

Геля пожала плечами и отвела взгляд куда-то в сторону. Казалось, ей было стыдно не за то, что она ничего не рассказала преподавателю, а за то, что привела к нему своего «динозавра».

— Так вот же! — решительно сказал дед, поставил свёрток на стол Рогова и снял мешок. Взору присутствующих предстал небольшой сундучок, по всей видимости, работы древних мастеров — на боковинах и фасаде изделия остались следы от инкрустации каким-то поделочным, а может и драгоценным, камнем, а кованые петли и чеканка XIX века явно скрывали какую-то тайну...

Глава 2

— Барин, возьми на работу!

Неподалёку от бровки, оставленной нетронутой специально для изучения профиля раскопа, стоял крестьянин средних лет, в длинной холщовой рубахе и онучах.

Под самой горой вёл раскопки известный археолог Викентий Вячеславович Хвойка. Глазомерная съёмка местности позволила учёному определить, что именно здесь, на Северо-Западной оконечности Киева, чуть левее Подола, напротив городских сенокосов, найти артефакты, рождение которых случилось в доисторические времена, весьма вероятно. И не ошибся. В первый же день работ им был обнаружен бивень мамонта. Подлинность находки подтвердил профессор Киевского университета Владимир Антонович, и теперь археологу Хвойке была просто открыта зелёная улица — состоятельные русские дворяне, друзья Викентия Вячеславовича, щедро финансировали исследования.

Раскопки уже начались, но простой люд города и его окрестностей продолжал прибывать, в надежде наняться хоть на какую-то подённую работу. Расценки по Киеву разнились от сорока до восьмидесяти копеек до в день, и для крестьянина это были немалые деньги — пуд муки стоил 1 рубль и 40 копеек.

— Барин, за тридцать копеек согласен. Возьми на работу,

— умолял простолюдин.

От глаз наблюдательного археолога не скрылось, что мужчина прятал левую руку за кушаком, которым была подпоясана его рубаха.

— Как тебя зовут? — спросил Викентий, подойдя ближе.

— Остап, — был ответ.

Археолог специально обошёл мужчину справа и заглянул ему за спину. Так и есть. На руке крестьянина не было двух пальцев — среднего и безымянного. Остап понял, что прокололся.

— Кожевник я... Бывший... Пальцы на войне с турками потерял...

Теперь было понятно, почему он просился на работу всего за тридцать копеек, ведь его больше не брали никуда.

— Детки... Четверо у меня, барин... — добавил несчастный мужик.

Сердце Викентия Вячеславовича сжалось.

— В сторожа пойдёшь? — спросил он, понимая, что от инвалида, взявшего лопату в руки особого толку не будет.

Тот в ответ только радостно кивнул.

— Ладно, — с неохотой выдохнул Хвойка, — иди к управляющему. Скажи, я разрешил...

Знал ли археолог, что вскоре, именно пятидесятилетний Остап, по сути, спасёт раскопки от массового разграбления и тем самым сохранит стоянку первобытных охотников, найденную в черте города? Стоянку эту, впоследствии, окрестят

Кирилловской, по названию улицы, где она была найдена.

Буквально через несколько дней после того, как Хвойка взял на подённую работу сторожа-инвалида, что был из поселений кожевников на Подоле, раскопки ждала новая находка.

Прокопав около двадцати метров глиняной породы у подножия горы, рабочие наткнулись на открытую стоянку первобытного племени. Остатки золы, которой, может быть, было несколько тысяч лет, будоражили воображение археолога-любителя Викентия Хвойки. Он принялся активно разгребать глиняные пласты вместе с рабочими и... О чудо! Он не ошибся. Его интуиция и глубокие знания истории, археологии, палеонтологии, геологии, географии не подвели его. Ещё кострище, и ещё... Через считанные часы группа копателей, во главе со своим нанимателем, отрыла пространство не менее тысячи квадратных метров. Здесь были кости мамонтов, носорогов, резцы для костей и даже клыки пещерного медведя и львов, которые много тысяч лет назад населяли эти края.

— О, jémine! — воскликнул Викентий!³

Да, он не верил своим глазам. Сын обедневшего чешского аристократа, скиталец, бывший преподаватель, полиглот, уже в зрелом возрасте почувствовал, что наконец-то его труд не пропадёт даром, и он прославится.

Это было настоящее научное открытие, которому мог-

³ Боже мой! — по-чешски.

ли позавидовать ведущие археологи Европы. Впоследствии окажется, что земля сохранила для нас останки не менее шестидесяти мамонтов и целые россыпи артефактов, принадлежавших древнейшим людям, которым от рода двадцать тысяч лет, а может быть и больше... А пока Викентий молча рассматривал испещрённый трещинами, темно-коричневый бивень мамонта с тоненьким отверстием у основания, куда когда-то уходил зубной нерв исторического гиганта.

Комок подкатывал к горлу. Сколько же сил было вложено, чтобы хотя бы начать эти исследования! Сколько препон пришлось преодолеть. Его всегда обвиняли в непрофессионализме, ведь он не имел археологического образования. Тот же председатель Императорской Археологической комиссии граф Алексей Бобринский говорил, что Викентий Хвойка — «дилетант без диплома», «любитель-археолог без всякой научной подготовки». Но разве нужен диплом человеку пытливому и умному? Разве бумага с печатью помогала Леонардо да Винчи или братьям Черепановым? А сколько специалистов с дипломами и даже с научными степенями не только ничего не открыли, но и принесли вред науке своими глупыми измышлениями и псевдонаучными выкладками? Викентий Вячеславович терпеливо молчал и делал своё дело — изучал теорию, проводил многомесячную предварительную работу по окрестным деревням, где жили крестьяне, находившие остатки старины на окраинах Киева и прилежащих территориях. Он часто ходил по рынку на Подоле, выискивая

продавцов «старья», сувениров из земли. Среди них можно было найти и первые украшения древнего человека, и керамику, которой не одна сотня и даже тысяча лет. Скольких трудов стоило уговорить меценатов выделить деньги на раскопки, ведь у самого «непрофессионального учёного» не было средств. И вот, наконец, он все-таки нашёл то, что искал, через все страдания, издевательства бывалых знатоков, чопорных учёных, заумных теоретиков. Эта земля не пустовала. Значит, первыми жителями этих мест были не Кий, Щек, и Хорив, а человек в львиной шкуре, с копьём, наконечник которого был сделан задолго до неолита из кости древнего животного.

... Каким же счастливым для Викентия Вячеславовича был тот августовский вечер 1893-го года...

...Ночью в окно постучали. Викентий Вячеславович открыл глаза. Настойчивый стук повторился.

— Барин, вставай! Беда. Люди с ума сошли.

Археолог подхватился. У окна стоял сторож Остап в изорванной рубахе.

— Что случилось? — спросонья ничего не понимал Хвойка.

— Народ кости ворует! Мне не справиться с ними. Всю свитку изорвали, — крестьянин уныло посмотрел на живот, выглядывающий из кусков рваной материи.

В полутора вёрстах отсюда, за Кирилловским Богоугодным заведением, на раскопках орудовали воры. Вернее, на-

божные киевляне, поневоле ставшие ворами. Молва донесла до жителей окрестных домов и деревень, что археолог из Киева нашёл под горой мощи древних, священных животных. Эти мощи исцеляют, оберегают, мироточат... Чем ещё только не обрастают слухи!? Вот уж действительно, язык до Киева доведёт. И довёл!

Толпа собралась у ветхого заграждения раскопок в надежде увидеть мамонта, но, понятное дело, его там не оказалось. Тогда разгорячённый народ, подстрекаемый самыми активными горожанами, с криками «ура» кинулся напролом. Крепкие мужики, праздные зеваки, набожные старушки и было их столько, что даже Беспалый Остап, как прозвали его рабочие, обладающий недюжинной силой потомственно-го кожевника, не смог справиться этим наплывом мародёров и побежал за подмогой.

— В полиции был? — быстро одеваясь, спросил Викентий Вячеславович охранника.

— Да! Городовому сказал и сразу к вам, — отрапортовал преданный Остап.

Оба отправились к месту событий бегом, насколько позволял возраст.

...От полного разграбления раскоп спасло только то, что на звук свистка дежурного полицейского, стихийно собрались его коллеги со всех окрестных постов, не прекращая подавать сигналы на бегу. Вскоре, место археологических исследований было оцеплено городовыми, взявшимися за ру-

ки, и на помощь к ним спешило несколько представителей власти в двуколках. Их догоняли отдельные конные жандармы.

Увидев такой наплыв стражей порядка, толпа «любителей старины» из окрестных кварталов и пригородных сел, сразу же стала редеть и к приходу господина Хвойки, ловить уже было почти некого. Сумели задержать только пару крестьян, чьи трофеи с раскопок не представляли особой ценности — черепок от горшка, разбитого кем-то в прошлом году и ржавое лезвие от старой кирки (очевидно, кто-то все-таки пытался копать под горой, но уже довольно давно).

С того достопамятного дня Викентий Вячеславович Хвойка больше не относился к раскопкам, как увлечённый археолог-любитель. Потратив изрядную сумму из своих годовых, причитавшихся ему в качестве заработка, двух тысяч целковых, он заказал крепкое ограждение. Затем выставил надёжную охрану и теперь любую свою находку скрупулёзно вносил в специальный реестр, отправляя исторические ценности в хранилище. И эти меры, вне всякого сомнения, принесли свои плоды.

Раскопки велись продолжительное время и в течение полутора лет здесь, на улице Кирилловской, в усадьбе господина Зиваля, были обнаружены артефакты нескольких эпох сразу — начиная со стоянок первобытнообщинных людей до глиняных черепков с удивительными орнаментами — первыми пробами древних художников. Здесь же были найдены

около пятидесяти остатков жилищ-землянок, где были первые гончарные печи. При тщательном и очень аккуратном раскопе, удалось найти целые глиняные изделия в виде посуды, статуэток людей и животных, а древние орудия труда и оружие из камня и рога — вообще стояли особняком.

Сорокатрёхлетний учёный радовался, как ребёнок. Его теоретические знания теперь подкрепились солидной практикой, да ещё какой! Настоящим открытием! Найти поселения древних людей, старше неолита (Железного века) и где? В черте Киева, в XIX веке!

Тогда Викентий Хвойка ещё не осознавал, что, на зависть всем конкурентам, считавшим его дилетантом, он явился первооткрывателем культуры, ещё более древней, чем Египетская и Римская. Позднее, её назовут Трипольской...

* * *

...Да, это было, было. Воспоминания теснили грудь, тшедушную впалую грудь туберкулёзника. Пожилой учёный, надрывно кашляя, сплёвывал кровавую слюну в стеклянную ёмкость, стоя у окна. На дворе буйствовала осень 1914 года. Его горячо-любимый Сырец, район, с которым он сроднился, где пришёл первый успех, догорал остатками багряно-жёлтой листвы клёнов и тополей, доживал последние деньки перед тем, как погрузиться в сон. Старик чувствовал приближение вечного холода и то, что его сон будет спасительным и спокойным вне времени. С ними уйдёт неимоверная боль в груди и кроваво-красные пятна перед глазами в

моменты, когда терпеть, просто уже нет сил.

Одиноким и бездетным, никому не нужный, даже самому себе, он жил теми воспоминаниями, которых кому-то хватило бы не на одну жизнь...

...Помнилось, как ещё совсем молодым, зелёным мальчишкой, едва ему исполнилось восемнадцать, тогда ещё не Викентий, а Ченек Хвойка, покинул отчий дом и отправился путешествовать по Европе. Исходив пешком Австрию и Германию, изучая колорит, самобытность и языки народов, населявших эти края, он не гнушался никакой работы, чтобы не умереть с голоду.

Что же заставило сына интеллигентных родителей, получившего неплохое образование (окончившего коммерческое училище в Хрудиме) искать счастья вне родного дома? Сейчас этого уже не скажет никто, хотя ходили слухи, что парень просто сбежал от нежеланного брака. Жениться на нелюбимой девушке, пусть и из богатой семьи, было выше его сил. Он все-таки был мужчиной, а не домашним мопсом и пожелал распоряжаться своей жизнью самостоятельно. И поскольку деньги были для него не целью, а всего лишь средством к существованию, романтический юноша не заикливался только на своих случайных заработках. Историко-археологические музеи в Нюрнберге и Майнце, древнеримские земляные укрепления вдоль Рейна и Дуная, многочисленные средневековые замки... Все это молодой человек исходил пешком, не переставая самообразовываться и восхищаться

увиденным. Уделяя каждую свободную минуту чтению нужных и полезных книг, Викентий-Ченек побеждал в борьбе с лишениями, нуждой, запасаясь новыми знаниями, пусть это и была работа на перспективу. Такой образ жизни, пускай аскетичный и непонятный многим, сделал из молодого человека бойца, поле битвы которого — наука, стремление к познанию мира и самоотверженная борьба за свои открытия.

...Но природу не обманешь. Была в его жизни и любовь — киевлянка Елизавета. С семьёй Александровских Викентий познакомился ещё в Праге, когда репетиторствовал, преподавая свои превосходные немецкий, венгерский и русский языки дворянским детям. Кроткая и прекрасная Лиза с пшеничными волосами, с небесно-голубой глубиной глаз, поразила молодого преподавателя в самое сердце. Но в те времена скоротечные романы считались верхом легкомыслия и только спустя много месяцев после своих долгих путешествий по Европе, молодой преподаватель Викентий Хвойка, вместе с семьёй Александровских приехал в Киев. Что говорить о дальнейших планах Ченека и Лизы, если им не суждено было сбыться? Беда, пришедшая ниоткуда, перечеркнула все мечты, чаяния и вожделения. Вскоре Елизавета Александровская заболела душевной болезнью и, понятное дело, ни о каких семейных узах уже речи быть не могло. Викентий долго страдал от поразившего его горя. Из семьи Александровских пришлось уйти, чтобы не напоминать несчастным родителям неизлечимой Лизы о том, каким могло быть её

счастье, и не причинять им ещё большие страдания. Впечатлительный и преданный первой своей любви парень, в последствии так и не нашёл своего личного счастья.

Но любая потеря, даже самая страшная, лечится временем и трудовыми буднями. Викентий остался в Киеве, как считал он, самом красивом городе Европы и с головой погрузился в работу. Нужно было продолжать жить, трудиться, чтобы обеспечивать себя. Долгое время Хвойка преподавал — немецкий язык, фехтование, рисование. Это позволяло сводить концы с концами, но неуёмней характер и неистощимая энергия исследователя была в нем ключом. Каждодневная учительская рутина угнетала его. Хотелось чего-то большего — освоения новых наук, полёта мысли, глубокого анализа, ...

Неожиданно он увлёкся сельским хозяйством, причём хотел не просто работать на земле, а заняться агрономическими исследованиями. Викентий привык подходить к любому делу серьёзно и вдумчиво, и через несколько лет упорного труда уже имел первые успехи. Его труды требовали расширенной индивидуальной площади и вот, однажды, он уговорил своих друзей, чешскую семью Дефорен оборудовать у них на даче, в селе Петрушки агрономическую лабораторию. Ему выделили роскошный сарай и работа по выведению новых культур... не успев начаться, сразу закончилась...

По чьей-то халатности, ночью сарай сгорел, а вместе с ним погибли и наработки агронома-любителя по разведе-

нию хмеля и проса-росянки. Также были безвозвратно утеряны награды с нескольких сельскохозяйственных выставок и серебряная медаль Парижской выставки 1889года, а ещё — сгорел диплом члена французской Аграрно-промышленно-технической академии.

Конечно, Викентий Вячеславович был потрясён. До конца понять агронома может только агроном. Для селекционера все его саженцы, все ростки — как дети, как для животновода — телята, как для птицевода — цыплята. Можно сколько угодно смеяться над этим, но любой труд уважаем только теми людьми, кто привык трудиться и знает цену каждому плоду своего труда.

Хвойка молча взирал на обугленный сарай и ещё не понимал, как будет жить дальше. Ведь в эту, пусть и неказистую, лабораторию было вложено столько сил физических и душевных, столько средств... как вдруг, лопата рабочего, разгребавшего пепелище старого сарая-лаборатории, громко звякнула, наткнувшись на какой-то камень...

— Барин, гляди!

В руках крестьянина сверкал браслет из какого-то ценного материала...

Это было невероятно! На совещании экспертов лучшие специалисты в области истории и археологии, ещё раз вглядывались через пенсне в принесённые Хвойкой очищенные и отмытые от земли предметы старины. Обломки розовых, зелёных, синих стеклянных колец разной величины. Нет,

ошибки быть не могло — это были браслеты, которые в качестве украшений носили женщины Киевской Руси. Коллекционеры сразу же купили их за эти шестьдесят рублей. Для сравнения — фунт⁴ свежее испечённого хлеба в те времена стоил одну копейку, а за рубль можно было купить мешок картошки или двенадцать бутылок молока⁵ В душе Викентия бурлили страсти двадцатилетней давности, когда он, ещё совсем молодым, исходил пешком всю Европу, с головой погружившись в историю и археологию, в душе завидуя тем, кто нашёл древние сокровища в земле и явил их миру. Теперь же, поле стольких лет уныния, все эти чувства вернулись. Хвойка загорелся желанием археологических исследований. Он вновь засел за литературу, и, переворачивая «тысячи тон словесной руды», оживил в памяти то, что знал ранее и, уже с позиции взрослого мужчины, научившегося анализировать материал, стал изучать теорию более углублённо.

Уже в 1893-м году, пусть и в сорокатрёхлетнем возрасте, его ждал первый настоящий успех — там, между Сырцом и Подолом, на Кирилловской улице, в угодьях господина Зиваля, были найдены артефакты сразу нескольких исторических эпох, включая ту, которой даже ещё не было названия.

А потом было Триполье — то самое село чуть южнее Киева, в честь которого и была названа новая древняя культура, и нашёл её именно Викентий Вячеславович.

⁴ 410 грамм.

⁵ Бутылка — 615 грамм.

Как же был удивлён Киевский археолог-любитель, когда в одном сельском доме, под Обуховым, где он был в очередном своём путешествии, ему принесли кашу-лемишку, в глиняной тарелке... с неизвестным доселе орнаментом.⁶

— Откуда у вас эта тарелка? — спросил учёный у хозяина жилища.

— Я не крал, барин, — испуганно ответил мужик, отводя глаза куда-то в сторону.

— Да я знаю, что не крал, — примирительно ответил Викентий, располагая к себе селянина.

— Ну, с посудой у нас... не очень... То, когда пахал... Нашёл...

— Что!? — в чрезвычайной заинтересованности воскликнул археолог.

— Но я помыл... Я знаешь, как мыл? — оправдывался все ещё напуганный бедняк, — Да, я сам с этой тарелки ем! Она у нас самая целая, барин!

— Да ты не бойсь, — совсем по-крестьянски сказал Викентий, улыбнувшись, — Покажешь, где нашёл, три рубля дам!

С этого незатейливого ужина начался ряд новых открытий в области археологии. Организовав раскопки и начав исследования, Викентий Хвойка обнаружил сразу несколько поселений донеолитового периода — когда о существовании

⁶ Лемишка — южнорусская каша из гречневой или другой муки, запаренной кипятком в котле. Подаётся к столу со сметаной и топлёным маслом.

железа ещё никто и не догадывался. Глиняные черепки и целые расписные предметы домашней утвари, глина, солома и остатки свай... Все это сохранилось в земле с тех времён, когда где-то, за тридевять земель, свои первые пирамиды строили древние египтяне, а римляне разговаривали на том языке, который сейчас принято называть латинским, а до рождения Иисуса Христа оставалось времени больше, чем на данный момент существует христианство. И вот когда приходит осознание всего этого, у археолога начинают дрожать руки...

Единственное, перед чем человек бессилен — перед мощью времени. Пройдут, года, века и даже тысячелетия, эпохи... Поменяется власть, люди. Человечество вообще изменит формы существования. Сойдутся или разойдутся материки. Поднимется или наоборот, обмелеет, мировой океан, оставив потомкам пустыню.

Всё это — ничто по сравнению с маленьким и слабым человеком, раскопавшим историю — опровергнувшим все научные доводы. В том и есть величие — постигать заново. Потому и дрожат руки археолога. Потому и дрожат...

Растерянно переглядывались учёные умы в экспертных комиссиях, подтверждая новое научное открытие простым дилетантом, который оказался более профессиональным, чем десятки заносчивых обладателей дипломов и победителей дутых конкурсов.

Завистливо скрипели зубами конкуренты-богатеи, вложившие десятки тысяч рублей в свои раскопки, но потерпев-

шие фиаско потому, что искали не там.

Хвойка победил! Теперь древняя культура, открытая им, имела собственное имя — Трипольская.

...Бакотская долина, окутанная утренним туманом, просыпалась медленно, нехотя. Живописные места, обрывистые берега, вечно холодные пещеры, и даль, что не окинешь взглядом — мечта художника в любую пору.

Здесь, на левом берегу Днестра, все казалось нетронутым ещё с тех незапамятных времён, когда язык этой местности был совершенно другим, а люди ещё не знали запаха железа.

Волшебные места. За тридцать лет Ченек Хвойка по-настоящему прикипел к своей второй родине. Все его лучшие годы — годы первой и последней настоящей любви, разочарования, падения и возрождения заново, годы первых научных открытий, которые подарили миру удивительные артефакты — всё это было связано с Югом Российской империи.

Киев, Черкассы... теперь вот Бакота, почти на самой границе с Румынией. Но все это принадлежало его родине, а, стало быть, и ему. Уже позади обнаружение первобытно-общинных стоянок в черте Киева, открытие Трипольской культуры в Киевской области, ставшее известным на весь мир, найдены и идентифицированы экспертами поля погребений в Скифском Приднепровье... Но сейчас его ждало что-то ещё более важное. Раскопки, которые когда-то так и не закончил Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, профессор Университета Свя-

того Владимира в Киеве Владимир Бонифатьевич Антонович, привели Викентия Вячеславовича Хвойку к захоронениям трипольского привилегированного класса. По крайней мере, на это указывали находки из лабрадорита — самого ценного, что могло быть у этой древней цивилизации. Осталось раскопать считанные кубометры породы.

На волне возросшего спроса на артефакты, в этой части страны развелось немало черных копателей, работа которых была не санкционирована властями. Их стоило не только остерегаться, но и бояться.

Это были настоящие бандиты, которые, ради лёгкой поживы могли позволить себе все, вплоть до убийства. Больше частью, они и не вели раскопок, а выслеживали, вынюхивали, подслушивали и даже засылали разведчиков в общества знатоков истории и археологии с целью разузнать, где и чем можно поживиться. Нередко они просто нападали на целые экспедиции, грабя их, а при оказании сопротивления могли и убить любого, ставшего у них на пути. Они, отнюдь не дилетанты и разбирались в артефактах ненамного хуже, чем лучшие знатоки археологии, только вот использовали они эти знания не для науки, а в своих хищнических интересах, продавая старину заграничным коллекционерам за огромные деньги.

Викентий Хвойка, который, фактически, стоял у истоков южнорусской археологии, не мог себе позволить так просто отдать для разбазаривания ярчайшие исторические ценно-

сти. Он уже вторую неделю запутывал следы своего маршрута, то и дело, обнаруживая за собой слежку. То это были люди на лодке, тщательно маскирующихся под рыбаков, то внезапно возникшие отдыхающие на берегу Днестра, хотя погоды стояли промозглые — явно не для пикников. А вчера какой-то подозрительный крестьянин долгое время копался в прибрежных зарослях и даже озвучил, что собирает валерьяновый корень.

— Барин, могу тебе насобирать, если нужно? — крикнул мужик, показывая Хвойке полные руки осоки.

Викентий Вячеславович, который прекрасно знал, как собирается, как и где сушится валериановый корень и мог прочесть хитрому соглядатаю на эту тему целую лекцию, молча прошел мимо.

И вот сегодня, наконец, от него отстали. Убедившись в этом, он, наконец, достал заветную карту, которую прорисовывал собственной рукой. Это было произведение искусства, где, для конспирации, все нужные секреты были прописаны особой кодировкой на санскрите. Издавна ходили слухи, что в этой части долины, где-то на дне залива, есть огромный отпечаток ступни Будды. Никто его конечно, пока не нашел, но сам предлог зашифровать карту на одном из древних языков был налицо. Надо сказать, даже если бы эта карта попала в руки злоумышленников, даже обладая знаниями по археологии, они вряд ли смогли бы расшифровать её... А вдруг смогли бы? Хвойка ещё раз осмотрелся вокруг. Долина была

безлюдна.

Да, конечно... Викентий ещё раз внимательно сверился со своими заметками, сделанными в течение нескольких поездок сюда.

Ещё двести саженей влево. Там был тайник со взрывчаткой и необходимыми инструментами для вскрытия одной из пещер.

Тяжело кашляя, он принялся разгребать схрон короткой немецкой лопатой, которую всегда носил в своём рюкзаке. Сил не хватало, к тому же... этот проклятый кашель... Неужели опять ненавистный приступ чахотки? Как нехстати. Викентий вдруг понял, что не закончит своё дело до конца. Потерявши силы, он просто останется здесь, и враги найдут его вместе с тайником и картой — придя на всё готовое. Стиснув зубы, он пополз обратно, как можно дальше от схрона, чтобы в очередной раз запутать следы...

Проползя добрых триста метров сквозь дикие заросли, наконец, он выкарабкался на более или менее открытую местность и, обхватив руками какую-то корягу, впал в беспамятство. Кровавая пена выступила на губах и тяжёлое прерывистое дыхание вскоре затихло...

* * *

Викентий Хвойка все стоял и стоял у окна, снедаемый воспоминаниями. Тогда, в начале века, в безлюдной Бакотской долине, его спас, случайно проходивший мимо, монах скального монастыря, который, несмотря на свой аскетич-

ный образ жизни, не потерял ничего человеческого и буквально на горбу принёс археолога в келью и две недели отпаивал отваром трав, пока тот не стал на ноги. Теперь же, в большом городе спасти известного учёного, директора городского археологического музея на Александровской, было некому. Парадоксы, парадоксы...

Он был одинок и неизлечимо болен. Иногда к больному археологу приходила его ученица, выпускница высших женских курсов Валерия Козловская. Ей он и завещал все своё богатство — рукописный и иллюстративный архивы, библиотеку... Да, для любого учёного, влюблённого в археологию, это было богатством. Сам же Викентий Вячеславович не нажил никакого состояния. Просто тихо жил в своей квартирке на Ново-Кирилловской улице, совсем неподалёку от того места, где совершил своё первое археологическое открытие.

Эта осень была последней. Он знал, он чувствовал это. О нем совершенно забыли. Никому не было дела до науки. С начала века Европу лихорадило — то тут, то там вспыхивали восстания, навеянные «призраками коммунизма», а в этом страшном 1914 году началась война, которую спустя годы историки назовут Первой Мировой. И началась она на его родине, в Австро-Венгрии.

— Все рушится. Человечество ждёт крах, — бормотал Викентий Вячеславович, в очередной раз, теряя силы от своего недуга.

Острый приступ тяжёлого кашля настиг его в полуобороте к старинному венскому шкафу, где хранилась часть реликвий. Шифоньер почему-то был открыт.

— Марьяна! — негромко позвал он горничную, но никто не ответил.

Учёный сделал несколько шагов в сторону канапе, едва держа равновесие, пытаясь расстегнуть ворот своей безупречно накрахмаленной рубашки. Халат очень сильно давил подмышки.

— Марьяна, я задыхаюсь..., — последнее, что он смог произнести и рухнул на паркет в своей гостиной замертво.

Где-то в парадном слышался быстрый топот ног. Это, с сундучком, спрятанным в мешковину, убегала из дому, проворная горничная Марьяна.

Глава 3

Где же было вспомнить историю, как не здесь, в учебной студии факультета журналистики? Гелий Ефимович Колено, человек, скажем так, гроссмейстерского возраста, прочёл удивительную лекцию по истории, то и дело, смачивая пересохшее горло, наливая себе из кулера, который по счастью, стоял неподалёку от стола. Андрей Петрович, Геля и Екатерина Терновая были просто загипнотизированы этим повествованием. С чувством, в лицах, со всем своим старческим обаянием, пожилой историк рассказывал о Древнерусском городе Киеве конца девятнадцатого и начала двадцатого века. Конечно, он не был посвящён во всех тонкости жизни Викентия Вячеславовича Хвойки, но даже то, что он знал, позволяло проникнуться судьбой этого удивительного человека и сопереживать.

— Какая дрянь — эта горничная, — не скрывая эмоций, воскликнула Екатерина.

Андрей незаметно взял её за руку, будто хотел сказать: «Помолчи. Не торопись...»

Старик же в очередной раз отхлебнул воды из стакана и согласившись с майором полиции, кивнул головой.

— Да, я бы тоже так сказал, если бы горничная Марьяна, не была моей бабушкой.

У внучка Гели, которая глубоко переживала рассказанное

дедом, округлились глаза:

— Да. Ты что такое говоришь, дед?

Девушка переглянулась с присутствующими, как бы извиняясь за сумасшедшего родственника. Однако Рогов, только прищурил глаза и слегка покачал головой, давая студентке понять, что не стоит мешать пожилому родственнику.

За долгие годы работы в журналистике Андрей научился терпеливо выслушивать рассказчика, так как прекрасно знал, что, перебивая собеседника, можно упустить в разговоре главное. И сейчас он держал на контроле сразу трех человек — Гелия Ефимовича, Екатерину Терновую и студентку Гелю.

— Не перебивай меня! — прикрикнул на внучку историк.

Он подошёл к своему сундучку, который так и стоял не раскрытым на столе у Рогова:

— Я тебе никогда не рассказывал, как я стал историком?

Гелий Ефимович достал из нагрудного кармана очки и вынул откуда-то спичечный коробок, в котором лежала обычная канцелярская скрепка. Разогнув её дрожащими пальцами, он всунул эту железку в маленькую замочную скважину сундучка. Выглядело это забавно. «Так кто ж ты, дед? Вор-медвежатник или учёный?» — иронично подумал Андрей и тут же сам себя одёрнул, — «Прекрати, Рогов. Веди себя согласно статусу, препод.»

— ...Я не отдал его никому при Брежневе... при Горбачёве, когда начался бардак, а уж в «девяностые» и подавно.

Но вот, видимо, настало время. —

Дедушка, с ловкостью криминального эксперта вскрыл сундучок и вынул оттуда старый, пожелтевший от времени, лист бумаги.

— Андрей Петрович, вверяю вам сей документ! — торжественно сказал старик, — больше — некому!

С этими словами он протянул бумагу Рогову.

На листе формата А-4, если так можно было назвать манускрипт более, чем столетней давности, раскинулась прекрасная прорисованная карта какой-то местности, со всем обозначениями и пояснениями каллиграфическим почерком в самом низу... на непонятном языке.

Девушки буквально облепили Рогова, заглядывая в бумагу через его широкие плечи.

— Ну, что скажешь, Катюша? — совсем по-свойски спросил девушку в полицейской форме Андрей, будто она уже работала с ним много лет.

— Санскрит? — угадала Терновая.

— Санскрит, — утвердительно кивнул головой Рогов и, глянув на Гелия Ефимовича, увидел, что тот смотрит на него с хитрецей.

— Это древнеиндийский язык, что ли? — растерянно спросила студентка Геля

— Угу. Скажу больше, — продолжил журналист, — это не просто санскрит. Это письмена, зашифрованные на санскрите. Мы не расшифруем их, не зная ключевого слова.

Андрей опять посмотрел на старика, своим подарком задавший ему такую сложную задачу. Гелий Ефимович только пожал плечами, давая понять, что ничем не может помочь.

— А что же делать? — не выдержала Екатерина.

— Я не о...поздал, — сбивчиво промямлил Лева Тарнопольский, принёсший откуда-то из коридора два бумажных стаканчика давно остывшего кофе.

— Ты как раз вовремя! — радостно ответил Рогов, — поставь кофе и берись за работу!

Он протянул студенту драгоценную бумагу.

— Но-о-о..., — протянул старик, глядя на юношу с недоверием.

— Не переживайте, Гелий Ефимович, — успокоил деда Андрей, — у этого мальчика голова-компьютер.

Лев тем временем внимательно смотрел на текст. Он, словно утонул в нем, не обращая внимания ни на кого.

— Мне кажется, что этот молодой человек ещё слишком..., — попытался выразить протест историк, но Андрей не дал ему закончить мысль.

— ... Этот молодой человек знает несколько языков, о которых мы с вами, Гелий Ефимович, только слышали. Например, язык майя.

Старик в растерянности посмотрел на окружающих, будто его разыгрывают, и он это понимает.

— А санскрит для Лёвушки — вообще не проблема, — для утверждения добавил Рогов. — как и «Контрал Страйк».

Андрей не удержался, чтобы не пошутить, от чего девушки засмеялись.

— Андрей Петрович, — вышел из своих изучений Тарнопольский, — в тексте встречается сорок восемь букв, девять из них повторяются сто тридцать четыре раза, у одиннадцати — больше пятидесяти повторений, гласные и согласные расставлены в хаотичном порядке. Необходимо ключевое слово, фраза, или число.

— Ну, это мы и без тебя знаем, — недовольно сказал Андрей, какое это слово?

Я... я не знаю, — стушевался парень и опять посмотрел в документ.

— Думаем! Все думаем! — приказал Андрей всем, кто находился в помещении и тут понял, что по отношению к пожилому учёному несколько некорректно, — Гелий Ефимович!

Но старик настолько включился в эту игру, что зажмурился и даже закусил костяшку указательного пальца на правой руке, левым же указательным пальцем потряс в сторону Рогова, словно хотел сказать: «Не мешайте мне!»

— Андрей Петрович! — вдруг объявил Лёвушка, — Судя по системе шифровки, в этом слове должно быть пять гласных и четыре согласных буквы. Вариантом может быть несколько сотен, а может и тысяч.

— Подожди, подожди, — перебил бойкого дешифровщика Рогов, — у него тоже родилась какая-то мысль.

Минут через десять после такого мозгового штурма, старик опять подошёл к кулеру и накачал себе водички.

— Стар я для таких игрушек. Голова совсем не варит, — пожаловался он, утоляя жажду в очередной раз.

— А вы, девчонки, что скажете? — спросил Андрей Гелю и Катю.

— Может быть, слово археология? — предложила Гелия.

— Слишком просто, — не согласился Андрей, — любой конкурент догадается.

В подтверждение этому, Лев, глядя в документ и на-вскидку прикидывая ключевое слово, мотая головой, выразил своё отрицание.

— Хвойка! — нашлась Екатерина, — Викентий Хвойка!

— Катенька, это же не пароль в фейсбуке, — засмеялся Андрей.

Судя по мимике Лёвушки, это слово тоже не подходило.

— Думаю, мы все должны быть благодарны Гелию Ефимовичу за его чудесный рассказ, — неожиданно сказал журналист, просветлев, и тут же громко добавил. — Слово Елизавета. Пробуй, Лев.

Неожиданное имя, возникшее, казалось бы, ниоткуда, удивило присутствующих девушек, а пожилой учёный опять лукаво улыбнулся.

— Оно! Андрей Петрович, оно! — радостно воскликнул Тарнопольский.

— Ну, так вперёд, расшифровывать! — приказал Рогов

и студент, с заветным документом в руке быстро вышел в какую-то боковую дверь.

Это произошло так быстро, что дедушка не успел возмутиться. Он только молча указал пальцем, вслед уходящему парню.

— Не переживайте, Гелий Ефимович, дальше подсобки не уйдёт. Там тупик, — уверил Андрей старика, — вы лучше расскажите нам, пожалуйста, как попал к вам этот заветный сундук?

* * *

В окошко избы, которую трудно было назвать частным домом, забрезжил рассвет. Здесь, в низине он наступал на два часа позже, чем во всем городе — мешали Сырецкие «горы» и нависающие отовсюду громадные киевские клёны. Они даже ранней весной, ещё без листвы, умели создать такую темень, что можно было потеряться во времени. Тусклый свет в горнице и часы с кукушкой на стенке навевали паническое воспоминание о детской сказке — Баба Яга, костяная нога, сидит в углу, нос землю врос. Если бы только не образа в Красном, восточном углу маленькой коморки — Святой Серафим, а с левого боку триптих, а с правого распятие... Горящая лампада и аромат ладана, доводящий мозг до исступления.

— Ой, грех, грех мой тяжкий...

На узкой панцирной кровати неходячая больная старуха, дожидаясь своего последнего часа. У кровати стоял её трид-

цатилетний внук, которого срочно позвали соседи. До прихода батюшки из Кирилловской церкви, старенькая бабушка хотела поговорить с ним, и это был их последний разговор в жизни.

Утро 13 марта 1961 года началось для молодого мужчины с беды. Получив свой законный отгул, он, электрик трамвайного парка на Фрунзе, решил посвятить этот вторник полноценному отдыху и, для начала, — выспаться. Но около девяти утра его разбудил жуткий вопль где-то на улице и страшный треск во дворе. Открыв глаза, он поднялся с кровати и глянул в окно. О, ужас! Что это? Откуда? Весь его двор, вплоть до окон поглотила светло-коричневая жижа, нет — гуща. Нет, непонятно, какая грязь. Откуда же было знать простому парню, что такое пульпа кирпичного завода? Выработка похоронила под собой курятник, клетки с десятком кроликов и собачью будку вместе с Полканом. Бедная собака даже не успела взвизгнуть... Но сейчас было не до четвероного друга. В сенях он почувствовал какой-то особый, доселе неведанный земляной холод и поёжился. Вдруг он услышал тихий треск — это перекосило дверную коробку. Верхняя часть двери медленно начала крениться внутрь. Времени на раздумья не было. Мужчина бросился к лестнице на чердак. Мгновенье, и он уже карабкался под своды крыши, а где-то с прихожей вырвало дверь, и вязкая тягучая смесь хлынула внутрь дома, заполняя собой все пространство, утопив стулья, стол, кровать и телевизор «Рекорд».

Неимоверными усилиями, разбив стык черепицы ногами, он вылез на крышу своего жилища и осмотрелся вокруг. Холодный мартовский день и переменная облачность, на деревьях только-только начали просыпаться почки.

Но сейчас мужчине было совсем не до природоведения. Весь его двор был занесён какой-то грязью, и она продолжала прибывать.

«Мать!» — вдруг словно ударило в мозг, — «Где мать?»

В доме её не было. «В сарае? Господи!» — убеждённый атеист с самого своего октябратского детства вдруг вспомнил о Боге.

Действительно, как это было ужасно! Сарай был залит, засыпан, буквально замурован всей этой... жижей.

— Ма-а-ать! — испуганно заорал мужчина! — Мамк-а-а-а—а!

Но ответа не последовало.

Он сидел на крыше дома в обнимку с трубой и смотрел на сарай, как замороженный. Он представил себе, как там, за дверью сарая, не может вырваться из земляного плена его единственный самый дорогой человек в жизни — мама. И он ничем не мог ей помочь! Но почему она молчит!

— Ма-а-а-а-а! — орал взрослый мужчина, словно напуганный кот, забравшийся на дерево и понявший, что не может спуститься.

Сильный толчок заставил его встрепенуться. Это пошатнулся, казалось бы, крепкий, остов дома. Затем ещё тол-

чок, и ещё. Коробка строения, воздвигнутая ещё погибшим на фронте отцом, ходила ходуном. Заискрился электрический провод, подведённый от линии электропередач нелегально. Взгляд мужчины упал на высокий раскидистый орех, стоящий в пяти метрах от дома. Тот самый орех, который мать просила спилить уже третий год, но всё было лень и лень... Сразу за орехом начинался пологий склон горы, куда эта «грязевая цунами» была добраться не в состоянии. В голове скользнула мысль. Да! Он задумал то, на что не решился бы даже в своём отвязанном босоногом Куренёвском детстве.

Мужчина встал, и больше не раздумывая, разогнавшись по шатающейся крыше, прыгнул в сторону дерева. Бог знает, как ему удалось сохранить равновесие при разбеге, но полет получился. Однако, он явно почувствовал, как пролетает мимо той ветки, за которую рассчитывал зацепиться...

Невероятно изогнувшись в полете, он смог ухватиться за более тонкую ветвь, и чуть было не ухнул в грязевую бездну внизу. Спас лёгкий вес — ветвь спружинила и счастливчик, подлетев кверху, принялся быстро перехватывать её руками, однако после второго движения вниз, он все же оборвался и полетел в эту пропасть, хватаясь за все ветки подряд. Эти попытки не остались тщетными. Мужчина сильно замедлил скорость падения и, ударившись рёбрами об одну из толстых веток, повис на другой, более низкой... В горячке борьбы парень сумел вскарабкаться и прижаться к стволу дерева оглянувшись. В ту же секунду, крыша, с которой он

прыгнул, рухнула вместе с окончательно раздавленными селевым потоком стенами жилища. Мужчина с шумом выдохнул и в первый раз в жизни перекрестился... Пронесло.

В то холодное утро, десятилетняя дамба, построенная в Бабьем Яру для хранения отработки кирпичного завода, не выдержала и в половине девятого тяжёлая пульповая масса четырнадцатиметровой волной понеслась по склону вниз, сметая на своём пути дома, деревья, автомобили, десятитонные трамваи с людьми, спешащими на работу...

Были разрушены стадион «Спартак» и трамвайное депо вместе с прилегающими территориями.

Это была трагедия, повлёкшая за собой снятие с должностей, осуждение и даже самоубийство отдельных должностных лиц, допустивших халатность. Но чего стоят все эти должности, посты, звания, по сравнению с человеческими жизнями? Последствия этой катастрофы были ужасны, а точное количество жертв установить так и не удалось. По данным из разных источников погибло от 150-ти до 1500 человек.

... Электрик того самого трамвайного парка переживал свою, семейную трагедию, стоя перед кроватью умирающей бабушки с другой стороны частного сектора, куда стихийное бедствие не добралось. Сейчас ему было не до работы, на которой он, холостяк, обычно пропадал сутками. Едва выжив в том утреннем ужасе, он ещё до конца не осознавал, что происходит. Проходя, практически голым, мимо домов

по соседней улице (ведь сель поднял его с постели), он не чувствовал холода и брёл в прострации, как вдруг услышал: «Геша, мать зовёт. Ваша бабушка умирает...»

...Да, на счастье, мать не осталась в сарае, а с утра была у постели старухи. Только вот теперь их ждало другое горе. Похоже, последняя весна для долгожительницы курневских низин, заканчивалась...

Парень стоял в каком-то рубище, взятом у соседей, испуганно смотрел на основательницу рода. Сейчас даже потеря дома и метания на волосок от гибели казались чем-то далёким, несущественным и из другого времени.

В углу чадила лампада, а боль от сломанных рёбер припустилась. Мать убежала в Кирилловскую церковь за батюшкой. Баба Марьяна, которая, казалось бы, была, есть и будет всегда, умирала. Старуха равнодушно, смотрела в потолок тесной избушки, затем вдруг посмотрела на внука и сказала совершенно осознанно:

— Сынок, поди ко мне.

Молодой мужчина сделал шаг к кровати:

— Ба...

— Что там за окном?

Парень не знал, как реагировать на этот вопрос, а старуха продолжила.

— ...Будет беда.

— Уже, — выдохнул внук.

— Я знала, — равнодушно ответила старуха, — погибли

люди... много людей... это мой грех.

Мужчина поморщился. «Что она несёт?» Этот предсмертный бред нужно было выдержать. Видимо такова судьба каждого потомка — выслушивать и ничего с этим не поделаешь. Да, молодой здоровый организм противился всему, что сейчас видит, но надо иметь хоть каплю уважения к умирающему, особенно, когда это твоя бабушка. Старуха же, теряя последние силы, говорила с большим трудом.

— В подполе... сундук... картошка...

«Причём тут картошка? Что за...?» — думал парень.

— ... Горничная... Хвойка... Украла... Грех... Хвойка, — шёпотом, сквозь прерывающееся дыхание хрипела баба Марьяна, — отдай людям... людям... грех...

Последний громкий выдох, может быть, был слышен и на улице.

Где-то послышался скрип двери, в комнату вошли мать и священник. Марьяна лежала, неестественно откинув голову в сторону.

— Не успели..., — тихо произнёс внук.

Сколько же сил понадобилось Гелию Колено (а это был именно он), чтобы много лет спустя разгадать эту загадку последних слов бабушки.

Человек, лишённый какой бы то ни было романтики, сухой и ироничный от рождения, он не верил в сказки о древних кладах и неизвестно откуда свалившихся наследствах. Жили они с матерью бедно и довольствовались малым. С са-

мого детства парень усвоил — для того, чтобы не умереть с голоду, нужно работать. Но когда спустя год после смерти старушки, перерыв весь погреб, под горой картофеля, заготовленного на зиму, он нашёл маленький сундучок, в нём загорелся маленький огонёк надежды, что его жизнь больше не будет прежней. Конечно, сразу уверовав в то, что чудеса бывают, он ещё не понимал, насколько он близок к истине. Молодому электрику трамвайного парка, потерявшему после трагедии 61-го года не только свой дом, но и своих друзей — коллег, у которых в тот день не было отгула, и которые были сметены чудовищным селевым потоком, ничего не оставалось делать, как начинать свою жизнь заново.

Зная характер своей мамочки, при котором завтра весь район будет знать о сокровищах умершей свекрови, Гелий ничего не сказал о «наследстве» бабушки и, взяв лопату, полез в погреб-подпол. Повозившись с прошлогодней картошкой около часа, он, наконец, смог добраться до суровой мешковины, которой был обернут небольшой сундучок.

— Тоже мне, сундук. Скорее — сундучишко, — буркнул себе под нос парень, хотя, конечно, был рад находке, почувствовав себя первооткрывателем сокровищницы пиратского клада, — ну, ничего, на наш век хватит...

Гелий внимательно рассмотрел находку. Это был небольшой, древней чеканки ящичек, с причудливым узором и коваными ободками по корпусу, будто перевязанная посылка на почте. По бокам — остатки инкрустации какими-то кам-

нями, но парня это ничуть не смутило. Сундук старый, мало ли что и когда с ним происходило. Но что же внутри...!? ... Вот незадача, сокровища оказались запертыми.

Почти месяц Гелий искал ключ от заветного сундука — на чердаке бабушкиного дома, куда они с матерью переехали из разрушенного селевым потоком предыдущего своего жилища. Молодой мужчина перерыл весь чердак, все ящички и шкафчики в доме, сарай. Однажды он даже забрался в собачью будку, но тщетно — проклятого ключа не было нигде. И чем дольше Гелий искал, тем больше и больше разыгрывалось его любопытство и нетерпение. Конечно, он до сих пор ничего не сказал матери, и она была очень удивлена поведению сына, который вдруг неимоверно быстро вскопал огород и окопал деревья в саду. Откуда ей было знать, чем была вызвана такая активность?

Наконец, спустя ещё месяц, в очередной раз спрятавшись от матери в сарае, парень смог открыть замок сундука... обычной шпилькой — посмотрел на одном из сеансов американского кино. Однако, к большому сожалению, он не обнаружил ни золота, ни бриллиантов, ни даже столового серебра. Сумасшедшая старуха подсмеялась над ним! Он так мечтал, что жизнь поменяется, что он купит себе автомобиль «Москвич» ... Нет! «Волгу»! И будет ездить на Бухару⁷, покупать снасти и потом оттуда сразу на рыбалку.

⁷ Бухара — так, на рыбацком жаргоне, называется рынок снастей неподалёку от станции метро «Днепр» в Киеве.

А ещё он приоденет маму и будет каждый день ходить в ресторан. Ведь там можно поесть хлеба... Надо сказать, время в стране было невесёлое, и, наесться досыта было мечтой едва ли не каждого простого человека, ведь к власти пришёл Генеральный Секретарь Никита Хрущёв, который умудрился оставить страну без хлеба.

Ковбаса не пада з неба.
З неба манці не проси.
Кукурудзу сіять треба,
Якщо хочеш ковбаси.

Пел в частушках наш талантливый, но бедный южнорусский народ на своём украинском языке.

Гелий безмолвно сидел над раскрытым сундучком со стеклянным взглядом — не будет теперь ни автомобиля «Волга», ни колбасы, ни хлеба. Зато, на дне устланного бархатом сундука лежала какая-то старая жёлтая бумага. Любопытный парень развернул её. Какая-то карта... непонятные буквы. Тут парень впервые пожалел, что учился в школе из рук вон плохо и не знает ни английского, ни немецкого, да и родного, в общем-то, толком не знает... «Вот теперь сиди, дурак, и разбирайся» — грустно подумал он...

* * *

Сейчас, спустя почти шестьдесят лет, за спиной Гелия Ефимовича, были десятки научных работ, статьи моногра-

фии и даже открытия. Пусть после тридцати, он сумел выучиться, и стать не просто грамотным человеком, но и уважаемым в учёных кругах историком. Теперь уже никто не скажет, что этот интеллигент в стареньком, но чистом костюме, человек, умеющий держать себя в приличном обществе, когда-то не знал, как правильно держать вилку и ложку, через каждый три слова вставлял пару нецензурных выражений «для связки слов». Сегодня историк просто рассказывал свою историю, даже не надеясь, что это кому-то может быть интересно. Ничего особенного. Но как же он ошибался!

— А почему ты раньше мне об этом никогда не рассказывал? — обиженно, на эмоциях спросила внучка.

Все это время Геля, слушая деда, сидела, раскрыв рот и забыв о смартфоне, который уже наверно распух и «поймал глюк» от пришедшего миллиона сообщений.

— Бабка Марьяна смалодушничала, — всё говорил старик, не обращая внимания на внучку, — стащила сундук у Викентия Хвойки, когда он умирал. Думала — там алмазы... Я тоже думал. Молодой был, глупый. Хотел разбить, но потом подумал. Если она просила его вернуть, значит это не просто так. Пришлось учиться, чтобы понимать, кому вернуть и зачем. И вот теперь я понимаю — вернуть людям, вернуть тем, кто сможет использовать по назначению. И сейчас вижу, что отдал в надёжные руки.

Андрей, для которого такие «исповеди» были не в новинку, конечно, тоже был заинтересован повествованием пожи-

лого учёного, но параллельно успевал подглядывать за своей студенткой Гелей и новым начальником охраны музея Екатериной Терновой. Всегда интересно наблюдать за людьми, которые «не здесь». Действительно, складывалось впечатление, что «девчонки» спасались от селя вместе с рассказчиком и были рядом, подсказывая, как открыть этот проклятый сундук.

— Да..., — продолжал Гелий Ефимович, — ...К чему я это всё? А, да!... Так вот! А тайну этой карты я так и не разгадал. Представляете? Выучил английский, греческий, хинди, санскрит... А вот это разгадать не смог.

— Ничего страшного, Гелий Ефимович, — успокоил Андрей, улыбнувшись, — сейчас мы всё разгадаем. В наш век прогрессивных технологий...

Рогов не успел договорить. Из подсобки вышел Левушка с торжествующим видом.

— Пришлось повозиться. Шифровка была написана в стихах, каким-то древним слогом...

— Стихи...? Это центу-у-рии! Грамотей! — засмеялась Терновая, — это традиция средневековья.

— Да. Но я все равно расшифровал, — невпопад ответил Лева.

Только тут присутствующие ощутили, что за рассказом старика, который, казалось, выпил полбака воды из кулера, прошло четыре часа.

— Ну, так не томи, продолжай! — приказал Рогов Тарна-

польскому.

— В документе идёт речь о захоронении какой-то девушки или женщины из богатого сословия. Возможно, это даже принцесса. Умерла от неизвестной болезни. Захоронение, которому не меньше пяти тысяч лет...

— Ну, что я говорил? — торжествуя перебил Лёвушку Гелий Ефимович.

— Трипольская культура? — для порядка спросил Андрей.

— Она самая, — кивнул головой дед.

— Здесь ещё, — продолжал читать расшифровку студент... Трипольская «принцесса» похоронена в саркофаге-колеснице из лабрадорита...какого-то.

— Не какого-то, а лабрадорита, грамотей! — возмутился Гелий Ефимович,

— Это полудрагоценный камень, который в те годы вообще был драгоценным, — подтвердил Андрей, — и тебе, Леушка, как будущему журналисту, стыдно этого не знать.

— Ой, а я... тоже не знаю, — покраснев, призналась Геля, но её интерес был так велик, что, как говорится, гори огнём это самолюбие.

— Лабрадоритом наших, старорусских месторождений, Головинского и Турчинского, отделаны стены Мавзолея Ленина в Москве и станция метро «Каховская», — торжественно произнёс дед, — всё лучшее в Москву забирали!

— Так что же это получается? — задумчиво произнёс

Рогов, — если на чистоту, камень, впервые найденный на острое Лабрадор — вовсе не лабрадорит, а триполит?

— Именно! — отчаянно закивал головой Гелий Ефимович.

— Да-а-а-а, дела-а-а, — протянул журналист.

— ...А где, где? — неожиданно азартно спросила Терновая Левушку. В ней опять проснулась любительница антиквариата и любой другой старины.

— Ха. Не знаю, — в замешательстве ответил Тарнапольский, — на Украине... Какая-то долина Бакотская или Бакотская... Я и не слышал о такой...

— Бакотская. Ты и не мог слышать. Ты тогда ещё не родился. Была такая деревня — Бакота, — ответил Рогов, — её затопили в 81-м году. ГЭС строили... Так, что там дальше?

— Тут указаны координаты, и ориентиры... Я все выписал.

— Давай! — протянул руку преподаватель.

Как и следовало ожидать, место погребения «принцессы» было затоплено, когда в большой стране «поворачивали реки вспять».

Резкий удар кулаком по столу заставил встрепенуться весь коллектив, всех, кроме Рогова, который ещё со времён Афганской войны не реагировал на резкие звуки, понимая, что, если он его слышит, значит живой. А все остальное — не так критично.

По столу же врезал раздосадованный Гелий Ефимович:

— Эх, почему я не занялся этим делом в молодости? Всё боялся чего-то!... Вот, где теперь искать этот могильник?

— Эх, деда, деда, — совсем по-детски, сокрушённо произнесла внучка.

— Но, может что-то ещё можно сделать? — с надеждой в голосе спросила Екатерина. Она была полностью вовлечена в этот процесс и, казалось, совершенно забыла, что пришла сюда заниматься охраной музея, а не историей и археологией.

— Может, и можно, — ответил Рогов глядя на карту и о чем-то думая.

На самом деле, он давно уже поймал хитрый взгляд пожилого гостя. Старик определенно ещё что-то знал, просто не рассказывал, как будто ждал, что все поднимут «лапки кверху» и вот тогда он утрёт нос всем этим молодым, да ранним, в том числе и Рогову. Андрей же совершенно не хотел терять авторитет в глазах своих студентов и проигрывать эту битву. Он не стал действовать напролом, а на несколько минут ушёл в себя, вычерчивая на листе бумаге какие-то странные знаки, понятные ему одному. Потом вдруг бросил ручку.

— Нет, не верю, — выдохнул он, отчего студенты удивлённо посмотрели на него, а Гелий Ефимович расстроился и, забыв о том, что находится не дома, зашамкал ртом.

— Если там, в это долине, что-то и было, в чем я сильно сомневаюсь, то, скорее всего, давно нашли, ещё при Союзе... И даже если не при Союзе, то в смутные «девяностые» —

ТОЧНО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.